ИГРА В ИМИТАЦИЮ НА ПРИМЕРЕ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Скачать PDF	Читать на Ipad

«Сейчас в сфере науки и образования мы видим ситуацию провокации на преступление, связанную с бездумными требованиями, введенными менеджерами. Многие люди не стали бы писать статьи в журналы-хищники или покупать авторство на добровольных началах, но система управления наукой просто не оставляет им выбора».

Анна Кулешова

На базе экспертной платформы «Социальная динамика» прошла дискуссия о проблемах имитации в науке и высшем образовании. О том, почему государство и ученые прибегают к имитации, о роли формальных показателей, часто лишь создающих образ научной деятельности, о нехватке экспертизы и многом другом — в ключевых тезисах участников дискуссии.

Университеты должны быть драйверами развития общества. Но сегодня, по оценкам экспертов из разных стран, ученые и профессора теряются в лабиринтах бюрократии и подвержены скрытым и открытым формам коррупции. С одной стороны, введение формальных показателей призвано повысить эффективность работы ученых. С другой же, приоритет количественных показателей в науке и высшем образовании может переключать внимание исследователей с их непосредственной миссии на встраивание в менеджериальные практики. Это приводит к возникновению

имитаций и фальсификаций.

Примечательно, что проблемы науки и высшего образования не вызывают широкого резонанса. Хотя от работы ученых зависят самые разные области — от строительства до здравоохранения, присвоение научных степеней за некачественную или сплагиаченную работу, подмена результатов научных исследований порой кажутся не самой серьёзной проблемой, а скорее воспринимаются как история, которая происходит в «башне из слоновой кости». Кроме того, фальсификации в науке оказываются среди системообразующих явлений, наводящих на размышления о том, как работают инструменты статуса, а также о распределении жизненных шансов — как внутри, так и за пределами академического контура.

> **Мария Макушева:**
> *«Тот факт, что ты смухлевал в игре «Монополия», например, не накладывает на тебя никаких санкций за пределами игры. Наука существует в схожей логике. Пока людям вокруг не всегда очевидно, что происходящее внутри науки — это не забавные казусы про британских ученых, а то, что влияет на реальную жизнь, на образование ребенка и на то, как тебя вылечат. Нарушения в науке не влияют на статус эксперта в глазах широкой публики. Поэтому нужны публичные продукты, которые сделают эту сферу заметной и понятной».*

Политический истеблишмент не испытывает давления со стороны общества в связи с нарушениями научной этики как это происходит, например, в ситуациях коррупции. Поэтому мотивации бороться с проблемами имитации меньше.

Существенные вмешательства, перестройки системы грозят развалом и того, что есть. Кроме того, существующая система часто поддерживает престиж самих представителей истеблишмента, имеющих научные звания.

> **Андрей Ростовцев:**
> *«Провокация на преступление идет с самого верха. В деятельности «Диссернета» мы столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны этого верха на законодательном уровне. Например, когда стало известно, в каких масштабах производятся липовые диссертации, было введено такое понятие, как «срок давности»: если вы купили свою диссертацию до 2011 года, и выяснилось, что она оказалась фальшивкой, то вы в домике, вас защищает закон. И все это сделано, чтобы обезопасить верхушку айсберга. Приходится всякими усилиями и хитростями плавать в законодательстве, которое создает препоны на пути нормализации этических отношений в обществе».*

ПОЧЕМУ ИМИТАЦИИ СТАЛИ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?

На то есть несколько причин:

Во-первых, как ни парадоксально, это забота самого государства об эффективности и попытки стимулировать работу научных учреждений. Установка «у нас должна быть хорошая наука», введение количественных показателей и индексов цитируемости, привязка к ним финансирования и премирования легли на разную почву. Некоторые институты оказались не готовы к производству качественного продукта — исследований и публикаций — в короткое время. Это привело к тому, что отдельные учреждения начали лишь имитировать показатели.

Анна Кулешова:
«Несколько лет назад возникла идея продемонстрировать миру, что в России есть наука. Появились т. н. «майские указы» Президента, с них началась публикационная гонка: наша страна должна была быть представлена научными статьями во всех доступных журналах, в международных базах научной информации. Если отнестись к этому критично, то поймем – случился первый уровень симуляции, так как задача добросовестным образом поднять науку не ставилась; была задача сделать вид, что у нас есть наука, продемонстрировав большой объем научных статей. Симуляция второго уровня случилась в тот момент, когда, получив такой приказ, наши ученые начали симулировать публикационную активность. Появляются статьи в журналах-хищниках, появляются свои журналы-хищники, появляются т. н. «мусорные» статьи. Ответом на симуляцию первого уровня стала симуляция второго уровня».

Во-вторых, успешная работа наукометрической машинерии предполагает существование экспертного сообщества, профессиональную дискуссию. Понять же, кто сегодня в России является экспертом, а кто – нет, оказывается чрезвычайно сложно.

Андрей Ростовцев
«Наукометрические показатели важны и нужны, но решение принимает экспертное сообщество. Оно и оценивает разумность или неразумность наукометрических

показателей. Экспертная оценка – это самое главное. Слабость нашей позиции в России заключается в том, что экспертов у нас очень мало: экспертного сообщества не хватает во многих университетах, во многих научных институциях. И эта огромная проблема. Привлечение зарубежных экспертов в массовых количествах было бы одним из решений, но здесь возникает противоречие с актуальными политическими установками».

В-третьих, существует проблема включения научных званий и степеней в систему кадрового отбора. Она накладывается на избыточное, по оценкам экспертов, количество вузов и деформированное понятие социального престижа. Это делает имитацию необходимой для людей, продвигающихся по карьерной лестнице.

Ирина Шрайбер:
«В науку и университеты в России часто идут люди, которые не должны там находиться. Например, сколько людей в России хотят написать кандидатскую диссертацию? Достаточно много. Когда ты спрашиваешь: «А зачем это тебе?», то человек отвечает: «Это здорово, это престижно». В Европе, например,иногда иметь кандидатскую степень даже мешает, потому что это создает проблемы: ты становишься overqualified, поэтому тебе нужно платить больше, и поэтому же тебя не возьмут на работу. В России это работает совершенно по-другому».

Анна Кулешова:

«Если бы логика была в том, что необходимы сильные университеты, образованные люди, надежная и конкурентоспособная наука, – симуляции в таком размахе не были бы возможны. Но если посмотреть на то, что происходит в сфере науки и образования, станет понятно, что и так слишком много университетов, слишком много невостребованных людей с высшим образованием. Так что в имитации есть смысл: существование мнимых университетов и науки отчасти снимает социальное напряжение. Для контроля и организации общества – это неплохо, симуляции и имитации оправданы и выгодны».

Академические звания становятся атрибутом престижа, необходимого для карьерного продвижения в областях, не связанных с наукой и образованием. Это делает их инструментом, средством достижения цели. И подход к ним – инструментальным. Здесь человеку, делающему карьеру, логично идти по «пути наименьшего сопротивления» и пользоваться возможностями системы.

КЕЙС

«Перевернутая пирамида» и системообразующий статус симуляции в науке и высшем образовании: исследование «Диссернета»

Исследование, проведенное вольным сообществом «Диссернет» в пяти группах (российские академики, директора московских школ, ректоры вузов, губернаторы, депутаты), показало, что чем больше ответственности за управленческие решения возлагает на человека общество, тем менее этичным может быть его поведение в вопросах академической честности. Это демонстрируются с помощью существенного роста процента диссертаций с масштабным плагиатом от первой группы к последней.

Андрей Ростовцев:

«Мы рассмотрели различные социальные группы [перечислены выше] и проанализировали процент диссертаций с масштабным плагиатом. Оказалось, что в Академии наук нулевой процент таких диссертаций. Если взять случайные диссертации по самым проблемных отраслям, таким, как экономика и юриспруденция, то в среднем вы найдете диссертацию с масштабным плагиатом где-то в 3–5% случаев. Если мы говорим о директорах московских школ, то 8–10% имеют списанные диссертации. Ректоры университетов – это уже ближе к 20%. Где-то около 30% списанных диссертаций с масштабным плагиатом – это диссертации губернаторов. Около 50% процентов таких диссертаций принадлежат группе депутатов. Это и есть перевернутая пирамида».

В-четвертых, внутри самого научного сообщества не проблематизируются вопросы этики и академической честности, не всегда работает институт репутации. Кроме того, существуют истории продвижения по службе людей, имеющих за спиной нарушения научной этики, но соответствующих по формальным показателям должности. То есть сообщество видит поощрение после нарушения. Возникает т.н. аномия – распад нормативных и ценностных ориентаций.

Василий Власов

«Системная проблема может быть охарактеризована аморальностью российских медицинских исследований. Конечно, это гипербола, но, к сожалению, очень многие российские медицинские ученые до сих пор при проведении исследований относятся к этическим требованиям не очень

серьезно. Естественно, никакого этического контроля нет. Между тем, этические контрольные комиссии должны быть в организациях, и сама их деятельность должна вовлекать в себя исследователей. У нас этого не произошло. Создан центральный этический комитет при Минздраве, который имитирует этическую экспертизу и состоит из бюрократов и директоров, пораженных конфликтами интересов. Кроме того, огромная проблема состоит в том, что у нас не принято вспоминать ошибки прошлого и, тем более, признавать их».

Есть и более общая предпосылка. Наука и образование – не изолированы от других институтов. Их проблемы – отчасти продолжение того, что общество в целом терпимо к разным формам лжи, воспринимает ее как способ адаптации.

Ирина Шрайбер:
«Наше общество так устроено, что все всем врут. Это замкнутый круг, из которого мы не можем выйти. Но правда заключается в том, что надо начинать с себя. Взять пример с прививками. Есть коллеги, не относящиеся к научному сообществу и заявляющие, что наука в России дискредитирована, учёные врут. Однако, в то же время эти же самые люди покупают себе сертификат о прививке, чтобы зайти в ресторан, т.е. совершенно точно врут. Почему вы чего-то ждете от других членов сообщества, если вы сами не излечились от лжи?»

Академическая жизнь вписана в более широкий «коррупционный» контекст, который не может ее не затрагивать. Решение проблем имитации науки и образования – это и решение систематических

проблем, попадающих под определение коррупции.

> **Елена Панфилова:**
> *«Биться за этику в науке и образовании надо, но надо отдавать себе отчет, что без изменения более широкой рамки, внутри которой существует как наука, так и образовательная система, сделать это очень сложно, а иногда – невозможно. Главными предусловиями успешной борьбы с коррупцией в любой стране является существование нескольких видов конкуренции: в бизнесе, конкуренции идей, конкуренции в академической сфере. При монополизации и вертикализации финансовых потоков, контроля назначений и кадровых решений конкуренция исчезает, поэтому выстроить работоспособные механизмы противодействия повседневной и ползучей коррупции, в том числе в академической среде, крайне трудно».*

По мнению экспертов, здесь сложился замкнутый круг, связывающий заинтересованных людей на разных уровнях. Система образования дает возможность подтверждать свой статус в том числе представителям истеблишмента. Тем самым она обеспечивает и свою сохранность за счет административного ресурса, который защитившиеся получают в дальнейшем.

ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?

Позиция №1. Есть надежда на смену поколений: с приходом новых людей, испытывающих брезгливость к фальсификации и соблюдающих правила академической честности, появляется возможность сгладить негативные последствия, вызванные имитацией в образовании и науке. Тем не менее, поколенческий сдвиг – это долгий процесс.

Андрей Ростовцев:
«Если в один день отменить коррупцию, то экономика встанет. Поскольку симуляция в образовании и науке так же, как и коррупция, является системным феноменом, то ничего не изменится по щелчку пальцев, поэтому представление о том, что fast track приведет к желаемому результату, некорректно. Должны смениться поколения. Новые поколения критически относятся ко лжи. Когда придет их время, то ситуация должна нормализоваться. Если этого не случится, то, наверное, мы окончательно выпадем из цивилизационного процесса».

Позиция №2. Санкции за нарушения. Если нарушения академической этики будут сопряжены с репутационными, карьерными и прочими издержками, то существует вероятность сокращения масштабов имитации. Примеры: лица с доказанными нарушениями академической честности будут отстраняться от должностей и от преподавания, не будут иметь права на государственные награды и надбавки; запрет на продажу авторства в научных статьях, готовых научных статей и других схожих практик на государственном уровне.

Анна Кулешова:
«Можно сделать простые вещи. Если хотя бы прекратить доплачивать за нарушение этики научных публикаций, то это уже неплохой шаг. Сегодня люди поставлены в парадоксальную ситуацию: если ты пытаешься добросовестно написать один хороший текст за два года, то ты, скорее

всего, не получишь продление временного контракта, доплат. Но если ты сделаешь десять фейковых текстов в журналах-хищниках, то тебе за это дадут надбавки. Этичное поведение оказалось нецелесообразным. Кроме того, удивительно, что вводятся ограничение на просветительскую деятельность, но нет ограничений, например, для рекламы предложений по написанию диссертаций или покупку авторства в научных статьях. Пока мы не справимся хотя бы с этим, мы мало что сможем улучшить в сфере науки».

Позиция №3. Одно из решений — формирование отдельных научных сообществ, которые вырабатывают внутри себя определенный кодекс и систему отбора. Пример тому — существующие международные коллаборации, работающие по типу ЦЕРНа. Так, по словам, Ирины Шрайбер, внутри международной коллаборации осуществляется самоконтроль: ни одно исследование не сможет выйти на следующий уровень, пока не будет проверено и одобрено внутри самой коллаборации.

При этом эксперты отмечают, что логика существования науки не может быть подчинена логике товарно-денежных отношений. Наука — это специфическая сфера, которая должна существовать по своим правилам.

Александр Сегал:
«Мы говорим: «Шарашки, шарашки, шарашки», но Манхэттенский проект построен ровно по такому же организационному принципу: внутри него не существует товарно-денежных отношений, точно так же, как и внутри ЦЕРНа, нет механизма отчуждения научного продукта и передачи его за деньги кому-то другому, кто будет

пользоваться им в качестве предмета или инструмента. Наука — это не товарная система. Но мы все время пытаемся рассуждать о ней в товарной логике. Что это значит? Это значит, что то, что я изобрел, является товаром и может быть отчуждено за определенную сумму денег один раз. Но наука должна быть системой, которая внутри себя обменивается исключительно научной информацией, в которой результат одной группы исследователей является инструментом для исследователей из другой группы».

Андрей Ростовцев:
«В военное или околовоенное время шарашки — это эффективный инструмент, но развитие науки во второй половине XX века и сейчас показывает, что академическая свобода — это крайне важный элемент существования науке».

Как отметила Мария Макушева, академическая свобода также представляет собой крайне дискуссионное понятие и в ситуации полного отсутствия контроля часто может быть сопряжена с нарушениями академической этики, коррупцией и т. д.

Позиция №4. Уроки опыта, разбор существующих нарушений не с точки зрения поиска виновных, а для выявления слабых мест и изменения процессов. Существуют практики намеренных имитаций, которые указывают на изъяны системы изнутри. На примере историй экономиста Джона Лотта (ссылался на выдуманное исследование и даже создал сетевое альтер-эго для защиты своих идей от интернет-критиков), биолога Яна Вилмута (присвоил себе роль автора эксперимента по клонированию овечки Долли) и

физика Яна Хендрика-Шена (сфальсифицировал данные, чтобы «усилить» выводы своих исследований, в чем позже признался) **Дмитрий Лисицын** показал, что фейки в науке неявным образом участвуют в ее проверке «на прочность», а трикстеры-имитаторы и «шарлатаны» нужны для того, чтобы увеличить качество контроля и, как следствие, самих исследований.

Позиция №5. Создание инструмента защиты. Авторы и издания, попавшие под давление руководства и принуждение к неэтичным научным практикам, должны иметь безопасный инструмент для разбора своего случая и быть уверены, что получат защиту. Сегодня это не всегда так: иногда ученые, попавшие в подобные ситуации, признаются, что для них выступить против руководителя равнозначно потере работы. Особенно болезненно это воспринимается в регионах и городах, где академический рынок труда узок.

Позиция №6. Усиление институтов экспертной оценки. Например, создание условий для притока молодых квалифицированных кадров на позиции научных редакторов. В первую очередь эксперты говорили о необходимости повышения заработных плат в этой сфере.

Позиция №7. Популяризация темы в обществе, привлечение к ней внимание, снижение терпимости к нарушениям. Эксперты сошлись во мнении, что эффект может дать развитие публичных продуктов, которые выполняют роль раздражителей для системы. К таковым, например, относятся:

- выпуск популярных книг об этике научных публикаций с конкретными кейсами, стимулирующими развитие академической честности и выступающими в роли ресурса социализации для будущих поколений;
- рейтинг коррупционности российских вузов как регулярно обновляемый медийный продукт, который может стать инструментом «оздоровления науки».

КАКИЕ ИНИЦИАТИВЫ УЖЕ СУЩЕСТВУЮТ В ЭТОЙ СФЕРЕ

Вольное сообщество Диссернет, выявляющее фальсификации в

диссертационных работах;

Совет по этике научных публикаций, популяризирующий нормы академической честности и помогающий в спорных ситуациях. С 2017 года силами Совета по этике научных публикаций и Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований ведется ретракция научных статей с фальсификациями, фабрикациями и плагиатом;

Работа Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований, например, ее доклад, посвященный одному из относительно новых способов фальсификации научных работ – перевод статей с английского на русский и их мимикрия под оригинальные.

Лаборатория университетской прозрачности (выпуск исследований о коррупционной составляющей в целевом наборе в вузы).

Участники дискуссии:

Андрей Ростовцев, сооснователь Вольного сетевого сообщества «Диссернет»

Анна Кулешова, председатель Совета по этике научных публикаций

Ирина Шрайбер, ученый-физик, ментор и соорганизатор ЦРК Западно-Сибирского НОЦ, популяризатор науки, участница международного научного объединения CMS (ЦЕРН, Швейцария), CDF (Фермилаб, США)

Василий Власов, врач, доктор медицинских наук

Александр Сегал, старший научный сотрудник философского факультета МГУ

Елена Панфилова, исполнительный директор Transparency International, эксперт в сфере противодействия коррупции

Дмитрий Лисицин, сопредседатель Экспертного совета по малым территориям

Модераторы встречи:

Мария Макушева, генеральный директор Центра социального проектирования «Платформа»

Алексей Фирсов, основатель Центра социального проектирования «Платформа»